Редактор страницы: Ирина Клепикова
Тел: +7 (343) 375-85-45
E-mail: klepikova@oblgazeta.ru

ОБЛАСТНАЯ ГАЗЕТА
www.oblgazeta.ru
Четверг, 16 августа 2012 г.

Маэстро «наперекор Вселенной»

В свои почти 90 лет композитор Евгений Родыгин по-прежнему отчаянно отстаивает «несерьёзный жанр» – песню

1

Ирина КЛЕПИКОВА

Впервые в жизни будущий герой назначал мне встречу, чётко обозначая... количество шагов до него. «Сначала по Ленина, свернёте на Восточную. Всего 700 шагов, и вы у меня дома». И тут я вспомнила: в последние годы народный артист России известный композитор Евгений Родыгин увлёкся ходьбой. Сознательно напрягает себя. Вдруг взял да решил однажды поспорить с неизбежным собственным «взрослением».

–Каждый день выхожу на пешую прогулку. Позавтракал – и вперёд. У меня три варианта маршрутов. Выбираю один из них и пошёл – пошёл – пошёл... Новый режим для сердца. Новое ощущение. Такое удовольствие! Потом, конечно, начинается усталость. Внимательно слежу за этим. Как только усталость накопилась – ищу, где посидеть. Заодно обнаружил городскую проблему: мало скамеек! Просто вот так, чтобы человеку в возрасте присесть-отдохнуть.

–По пути композитора-классика узнают?

–Узнают. Не все, но каждый пятый – точно.

–Думал-мечтал ли о такой популярности мальчишка, который ради музыки ну не пешком, так на перекладных добирался из Нижней Салды в Нижний Тагил, в музыкальную школу?

–И не думал, и не мечтал. Просто – восьмилетним! – уже очень любил музыку. Возможно, гены? Мама часто пела под гитару. И мне захотелось играть на гитаре так, как умела она. Начал подбирать мелодии. Одну струну щипанёшь – просто звук, две – уже слияние звуков. Красиво. Гармония. А уж семь-то струн – вообще агромадное удовольствие! Вот тут-то мама и сказала: «Отдам Женьку в музыкальную школу».

Но когда мы переехали в Нижнюю Салду, там музыкальной школы не было. И я почувствовал: тревога какая-то в душе. Словно сердце чего-то просит, а этого нет. Тогда я пошёл записался в клубе имени Ленина в комнату баянистов (была такая). Стал осваивать баян. И понял: гитара – хорошо, а баян – лучше! Да ко всему ещё петь стал. Под свой аккомпанемент. Первая песня, с которой я вышел на сцену: «Под звёздами Балканскими» *(поёт)*

«...Хороша страна
Болгария,
А Россия лучше всех».

–На сцене-то вы актёрствовали, а вне её, похоже, уже рождался композитор Родыгин. Правда, что на уроках, полускрываясь от учителей, вы выстукивали на зубах песенный ритм?

–Ну да *(показывает: едва слышно, но зубы выщёлкивают очевидный ритмический рисунок)*. Сижу на уроке – под партой ноги ритм тихонько отбивают. А зубами им вторю – я сам-то это даже не сразу замечал. Помимо меня, помимо сознания происходило.

Какие мелодии выстукивал? Да мамины песни. Уж очень они мне нравились. Потом услышал по репродуктору концерт Исаака Дунаевского – вообще обалдел. От красоты песен. Прелесть что такое! Я, пацан, даже завидовать начал – какие композиторы есть, какие мелодии пишут *(«Эх» – Евгений Павлович и сегодня причмокивает от удовольствия)*.

–Почти невероятно, но к профессиональным занятиям музыкой вас, получается, подвигла война?

–Получается, так. В 1942 году в Нижнюю Салду приехал Московский профсоюзный ансамбль песни и пляски. Под руководством Анатолия Новикова, известного композитора. Я сидел в оркестровой яме перед сценой, смотрел, что «вытворяют» танцоры, как поют певцы. И всем им завидовал. Со страшной силой. А ночью потом долго не мог заснуть.

Наутро пришёл в нашу комнату баянистов. Взял баян, сел на стол – играю. На ногах – отцовские валенки. Передо мной на стене – зеркало, в которое я изредка на себя посматриваю. Артист! А тем временем Анатолий Григорьевич, как потом выяснилось, ходил-гулял по клубу. И услышал музыку. А я играл «Цыганочку». С выходом! Тут уж вся моя душа выплывала... Он заходит. И вот этот момент, измеряемый секундами(!), повлиял на всю мою дальнейшую жизнь.

Новиков вошёл – солидный, серьёзный, в медвежьем полушубке. Не наш! Я остановился. Он мне: «Сколько лет? Чем занимаешься?». Когда узнал про мои 17 лет, про то, что заканчиваю школу и каждый день хожу в госпиталь играть для раненых бойцов, Анатолий Григорьевич говорит: «Приходи завтра на вокзал. Встретимся у справочного...».

Я понял: приглашает в свой коллектив. Пусть даже на время. Папе – маме об этом сказал, и... 15 июня мы уже гастролировали в Челябинске.

Жили артисты ансамбля в двух вагонах (в них и переезжали из города в город по дорогам войны). Дали мне там свою полку – повыше. И началась моя кочевая концертная жизнь: Челябинск – Куйбышев – Сызрань... Играл на баяне, пел и даже... танцевал: хореограф ансамбля Василий Иванович Войнонен меня, молоденького, тоже решил в дело вовлечь.

День за день, но однажды я не выдержал: «Отпустите к папе с мамой погостить». Пацан же! Отпустили. Погостил. Но время-то военное – туда-сюда ездить, и я сказал родителям: «Больше, скорее всего, не приеду. Я уже на работе».

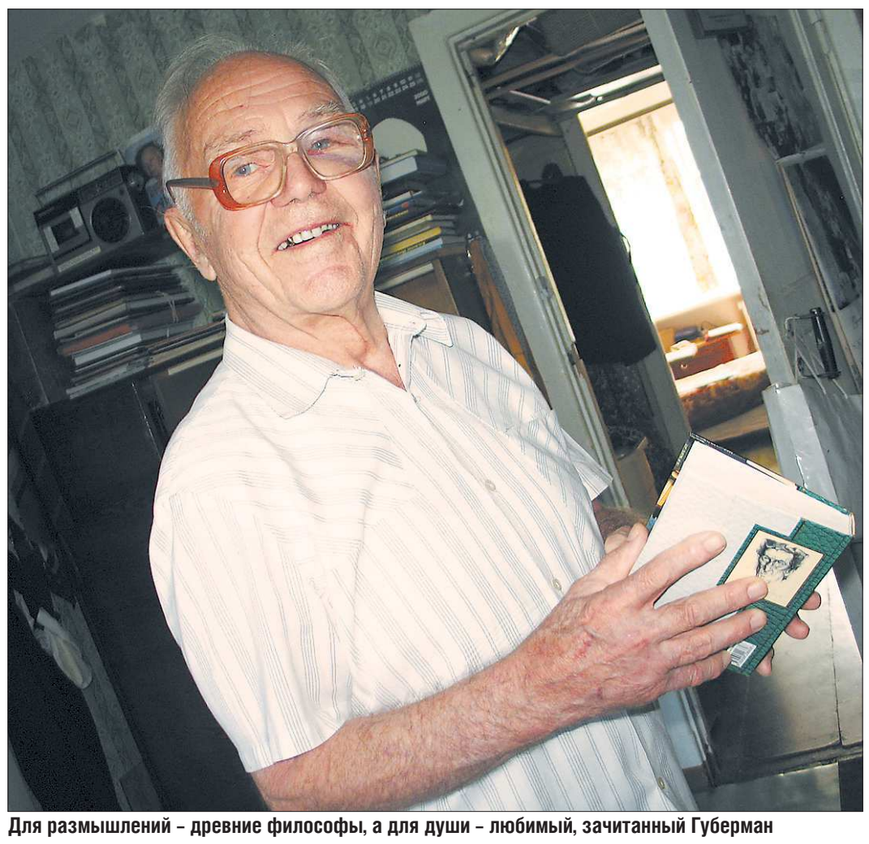
–31 декабря 1942 года вы тоже были на работе – на сцене Колонного зала Дома союзов, а наутро – на фронт?

–Да, после концерта меня нашёл командир 158-й мотострелковой дивизии и предложил поехать с ними на Калининский фронт.

Поехал. Уже не в вагоне, а на санях, по снегу. Прибыли в окрестности Калинина. Меня отрядили селиться в землянке с солдатами разведроты. Подхожу к землянке, а у входа из-под снега торчит рука. Убитый немец. Я содрогнулся тогда и сейчас содрогаюсь, когда вспоминаю: вот куда я попал!

Однако жизнь показала: переживать-то особо некогда было. Играл и пел. Пел и играл. Был нарасхват по полкам и батальонам. А ещё ведь меня нагрузили гражданскими службами: когда в охране, когда по хозяйству помочь. И так – весь 1943 год.

Уже потом, когда ждали открытия второго фронта и атаки, бои затихли немного, я сам организовал небольшой (восемь человек) ансамбль песни и пляски. И пошла работа – народные песни, мелодии из опер, джазовые... Вот тогда-то я сочинил и свою первую песню «Четыре Ивана». Песню о русском солдате.



ИРИНА КЛЕПИКОВА

Для размышлений – древние философы, а для души – любимый, зачитанный Губерман

ЛИЧНЫЙ АРХИВ ЕВГЕНИЯ РОДЫГИНА

Он и сегодня не прочь сам выйти на сцену!

До сих пор играю и пою её в своих концертах.

–Евгений Павлович, на суперобложке компакт-диска с вашими песнями увидела однажды удивительное фото. Явно военного времени. Вы – с баяном, но – лёжа на кровати...

–...а баян привязан ко мне. Это после контузии 23 апреля 1945 года. До Победы оставалось совсем чуть-чуть. Но! Шарахнуло миной. Так, что ой-ёй-ёй. Контузия с переломами обеих ног выше колена. Я в гипсе – от пяток до подмышек. Вот тогда я и играл лёжа, а меня по палатам, к раненым, возили. Играл и пел песни Козина, Бернеса, Дунаевского... Кто только ни обогащал наш песенный жанр!

–О песенном жанре к вам – особый вопрос. Своими песнями вы серьёзно способствовали его популярности. Но, похоже, Уральская консерватория, в которую вы пришли за профессией, этот жанр не жаловала?

–Да, в фаворитах была «серьёзная музыка». Паршивое словосочетание! Оно только дезориентирует слушателей. Мол, Скрябин, Шостакович, Прокофьев, Шнитке – серьёзная музыка, а тот же Дунаевский – несерьёзная. Не согласен! Уж простите – я только отдельные произведения этого «жанра» приемлю. Например, Седьмую симфонию Шостаковича. Вот это да! Мелодия врезается в память. Или когда Пётр Ильич написал вот это *(поёт из Пятой симфонии Чайковского)* – тоже заражает сразу. Правда?

Моё мнение: после Шестой симфонии Чайковского композиторам в этом жанре не стоит вообще работать. Лучше не сочинить. Я вам из Пятой напел, а Шестую-то мне и не спеть. Ведь там, у Чайковского – вся жизнь! Скрипки рыдают... Надо, чтоб эта симфония Чайковского звучала чаще. Так же, как и «Болеро» Равеля. Неотвратимая прелесть у этой музыки.

Но в основном-то серьёзная музыка загибает искусство в дисгармонию...

–Как вы с такими вашими взглядами уживались в консерваторской среде?

–Трудно. До конфликтов. Учителем моим в консерватории был Трамбицкий. Иногда он давал уроки на дому. И я ходил. И пришло мне однажды в голову заиграть «Пути-дороги» Дунаевского. Я любил эту песню. А Трамбицкий обедал с женой. Услышав «Пути-дороги», он аж подскочил на стуле: «Ещё раз это повторите – я с вами не буду работать...». Я смолчал, но повторил. В молчании – сила!

Случалось, и от сверстников перепадало. Представляете, каково это – услышать: «Женька, сыграй халтуру...». Это – о песнях! Но я не обиделся на ту девицу. Что обижаться? Дурочка консерваторская. И ведь что самое паскудное: она-то сама, конечно же, любит хорошую песню, но выпендривается. «Образование не позволяет». Убеждён: «Крутиться около искусства, аплодировать непонятному – кратчайший путь к самоутверждению... дурака!». Так и запишите.

Сам же я вышел из консерватории с другим убеждением: красота песенной музыки неистребима. Это моё. Это народное. Глинка, правда, сказал: «Музыку сочиняет народ, а композитор – аранжирует». Но это он в растерянности сказал. Да ещё с французским словом (на хрена Глинке был французский?).

А вообще-то, музыку сочиняют Мастер и Маргарита. Метафора! Мастер – композитор, а «Маргарита» – его муза, его любовь. У Булгакова про это всё сказано в романе. Когда Мастер и Маргарита совпадают по своему сердцебиению – песня становится народной. Её поют все, даже не зная, кто поэт, кто композитор. *(Поёт)*. «Сердце, тебе не хочется покоя. Сердце, как хорошо на свете жить...». Прелесть! Но эту прелесть сочинили двое.

Я, например, по первым двум строчкам стихотворения понимал – моё или не моё. Так, например, случилось с «Уральской рябинушкой». Случайно взгляд упал на строчки «Ой, рябина-рябинушка...», и сознание буквально вцепилось в эти стихи. А через несколько минут я уже «почувствовал» мелодию. Если «моё» – душа разворачивалась как меха баяна. И вальс – наиболее адекватный ритм для такого состояния.

–Тем не менее именно «на почве вальса» у вас возник конфликт уже с Уральским народным хором. Именно там, кажется, вам по поводу ваших песен сказали: «Мы вальсов не поём»?

–Ну не поёте – и что? Невелика заслуга. В какой-то момент Уральский хор дошёл до того, что его перестали приглашать. А мои песни поют, продолжают петь в 15 странах. И «Свердловский вальс» – тоже. Откуда знаю? По авторским отчислениям. Каждый месяц от Российского авторского общества получаю *(улыбается)* скромный, но стабильный гонорар.

–Кстати, а вы знаете, что в Интернете висит переделанный текст «Свердловского вальса»? К сиюминутности пристроенный! Там, например, такие слова – «... в митинговый оделся наряд».

–Не хочу об этом даже думать! Это всё мимо!

–Но помнится: вы сами приходили в редакцию с переделанным текстом «Свердловского вальса». Когда Свердловск стал Екатеринбургом. То есть сами пытались обновить песню?

–Нет, я не пытался. Это невозможно. Приносил текст как факт. Давно говорю: переделки названий городов несправедливы. Просто кто-то хочет след свой в истории оставить. Сам ничего не может, так хоть чужое переделать и тем прославиться. Не Свердловск, а – город Екатерины. Какой?! До сих пор спорят. Так вы сначала меж собой договоритесь, а потом поворачивайте историю вспять...

–Ладно, Евгений Павлович, давайте о хорошем. О вас. Правда ли, что благодаря песне «Едут новосёлы» вас в Союз композиторов приняли?

–Правда. При Хренникове долго не принимали. Не хотели. У меня даже где-то бумага хранится – официальный отказ. И вдруг в 1954-м песню похвалил Хрущёв. А в 1957-м меня уже приняли в Союз композиторов.

–А подступы к другим музыкальным жанрам у композитора-песенника были? Соната? Оперетта?

–Нет, не интересовало. Один раз оперетту, правда, заказывали. «На берегу Иртыша». Она прошла и умерла. И – до свидания!

В студенчестве написал «Квартет» на басню Крылова. Был такой опыт. Единственный. Я сам себе такую задачу поставил. Из спортивного интереса. А когда сделал – отказался. «Квартет» – ситуация, написанная Крыловым. Она сработала на века и без композитора Родыгина.

–Ноты-то хоть сохранились?

–Нет. Искусство должно долго жить, но – искусство! Поэтому «Квартет» не сохранил. С годами острее понимаешь: что преходяще, а что – истинная ценность.

–Ваша система активного долгожительства – из истинных ценностей? Английский изучаете. Философов конспектируете. В ледяную прорубь ещё несколько лет назад ныряли.

–Это – от любопытства. Другие могут, а я? Первый раз поехал на Шарташ – там моржи плавают. Ну и я с ними. А лет-то мне, не забывайте, сколько. Но не страшно было, нет. Настроился. Нырнул – вынырнул. Потом опять нырнул и уже считаешь: один, два, три... девять – и опять наверх. До пятидесяти секунд довёл свою «ледяную купель». А потом осенило: это же каждое утро надо заводить машину, куда-то ехать. Вот же холодная вода – дома. Стал по утрам обливаться. Ведро воды на себя – и порядок.

–Каждое утро? Да вы молодчина! Завидую...

–А сначала ещё зарядка. Прыгаю. Двойной прыжок *(показывает)* сто раз – получается двести. Потом под холодную воду. Дальше – пешком по городу. А домой пришёл – уже газеты тебя ждут. И ты валишься пластом от усталости, но в руках – свежие новости. Опять хорошо. Есть высшее удовольствие – просто жить! Остальное – второстепенно. Мы годами, десятилетиями бежим во имя какой-то цели. То и дело спрашиваем себя: «В чём смысл жизни?». Так вот «смысл жизни – сама жизнь!» Это я *(улыбается)* сейчас такой мудрый стал.

–Я думала, взбодрившись ходьбой, вы за пианино садитесь. Кстати, оно – то самое, которое, по слухам, 13 раз переезжало за вами с квартиры на квартиру?

–То самое. Старенькое. Но в рабочем состоянии. Настроено. Вполне меня устраивает *(садится и играет по открытому на пианино клавиру)*.

–«Любовь, любовь...». Романсы на стихи Тютчева. Ваши?

–Нет-нет. Это на последнем съезде Союза композиторов мне понравился цикл романсов Ефима Адлера. И он мне их подарил. Сам я сажусь за пианино уже реже. Но! *(Евгений Павлович задумывается, словно решает для себя что-то)*. А, ладно, вам скажу. Недавно написал «Заповедь» на стихи Киплинга.

«Владей собой
среди толпы смятенной...,
Верь сам в себя,
наперекор Вселенной...»,
«Умей принудить сердце,
нервы, тело
Тебе служить, когда
в твоей груди
Уже давно всё пусто,
всё сгорело,
И только воля говорит:
«Иди!».

Какие слова! Здорово! А вот – ноты. То и дело начинаю напевать, переделывать. Хочется же сделать как можно лучше. Если бы удалось с кем-то исполнить... Ах, если бы удалось!..

ЛИЧНЫЙ АРХИВ ЕВГЕНИЯ РОДЫГИНА

«Репетиция – любовь моя!». С солисткой Уральского народного хора Надеждой Балковой

ДОСЬЕ «ОГ»

ИРИНА КЛЕПИКОВА

Евгений Павлович РОДЫГИН

Родился 16 февраля 1925 г. в Пермской области.

Музыкой начал заниматься ещё школьником.

В годы Великой Отечественной войны был зачислен в комендантский взвод 158-й мотострелковой дивизии, прошёл путь от рядового до старшего сержанта.

После войны окончил Уральскую консерваторию. Работал с Уральским русским народным хором.

Наиболее известные песни Е. Родыгина – «Уральская рябинушка», «Едут новосёлы», «Белым снегом», «Куда бежишь, тропинка милая», «Лён мой», «Песня о Свердловске».

Написал музыку к кинофильму «Во власти золота».

Народный артист России.

Почётный гражданин Свердловской области.

Жена Галина Семёновна, домохозяйка. Сын Роман, водитель. Двое внуков, двое правнуков.

ЛИЧНЫЙ АРХИВ ЕВГЕНИЯ РОДЫГИНА

В годы войны Евгений Родыгин часто выступал на передовой. В 1944 году был награждён медалью «За отвагу»

Блиц-опрос

–Вы – Водолей, по знаку – капризная, но творческая натура. С творчеством – понятно. А капризы, если есть, в чём выражаются?

–У меня, возле подушки, всегда лежит Толковый словарь русского языка. Чуть слово непонятно – смотрю. «Капризы» не искал. Попытаюсь сам сформулировать. Это необоснованные претензии к жизни. Таких у меня нет.

–Слышала: из любимого за столом у вас – коньяк и селёдка под шубой?

–Когда-то было. С выпивкой сейчас строго! Мешает работе. А ем всё. Вкусно, но – помалу.

–Автомобиль, поезд или самолёт. Что предпочтёте?

–Поезд! Он не нарушает привычный режим жизни. А за окном – смена «картинки». Хорошее с полезным.

–«Если вы не бывали в Свердловске...». Какие места в городе вы, автор песни, посоветовали бы гостям для обязательного посещения?

–Плотинка. Консерватория. Ещё я иногда сажусь в трамвай и еду на Шарташ. По пути – красоты города, а конец путешествия – красивейший парк (и историческое место). Рекомендую!

–Пианино. Баян. Каким инструментом ещё хотели бы овладеть?

–Никаким. Эти два позволяют мне выразить все мои музыкальные фантазии.

ЛИЧНЫЙ АРХИВ ЕВГЕНИЯ РОДЫГИНА

Стихия Водолея – вода. Подлёдный лов, моржевание – хобби многих лет

–Если реинкарнация существует, кем хотели бы прожить следующую жизнь?

–О, вы ориентируете меня на бесконечность. Надо подумать...

–Из благ цивилизации что приветствуете, что – нет?

–Всё нравится! Я в восторге от того, что вот мы с вами говорим, а слушать нас могут аж во Владивостоке. Какое чудо! И какие возможности!

–Не возникает мысль «Эх, скинуть бы годков...»?

–Сейчас я на жизнь смотрю реальнее. «Эх, пройти бы четыре километра!». Встаю – и прохожу.

–Любимая работа по дому?

–Наводить порядок по мелочам. Особое удовольствие – порядок в домашней библиотеке. Книги на место поставишь, а заодно что-то ещё почитаешь-узнаешь.

–Мелодиям каких композиторов по-хорошему завидовали: «Почему не я?..».

–Мелодиям Тухманова, Дунаевского. Даже – Прокофьева. Из всех «серьёзников» он совершенно неотразим!

–Закончите фразу: «Жизнь даётся человеку один раз, и прожить её надо так...».

–«...чтобы от каждого твоего поступка ты сам и люди вокруг получали удовольствие». Иногда ради такого поступка себя преодолеть надо. Не жалейте. Вернётся сторицей. А вообще, высший смысл жизни – её продолжение.

Фрагмент песни «Заповедь» в исполнении автора, а также легендарный «Свердловский вальс» – на сайте «Областной газеты» oblgazeta.ru